

Кругозор

2
1965

ОСТРИЕ ВРЕМЕНИ

Буду говорить о Владимире Владимировиче Малковском. Это не теоретическая статья, а воспоминания о старшем друге. Узнал я его в 1912 году. На Невском была выставка произведений художников, и пришел туда очень молодой человек в черной, еще не желтой, блузе из истертого бумажного бархата. Широкогрудый, худой, красивый человек с впалыми щеками. Это был Владимир Владимирович. Принес он картину; на картине дама в большой белой шляпе; фон зеленый.

Про Владимира Владимировича я знал, что он пишет, и удивлялся стихам его. Читал Малковский замечательно, любил читать, любил свой голос. Я помню органно звучащие слова:

«О-го-го» могу —
зальется высоко, высоко.
«О-ГО-ГО» могу —
и — охоты поэта сокол —
голос
мягко сойдет на низы.

Это неожиданно напоминало «Слово о полку Игореве», певца Бояна, который пускает соколы-пальцы на струны-лебеди. Его поэзия — охота за высоким смыслом. Поэзия, которая бьет, как сокол сверху, по главной цели.

Ну, а какой был человек Владимир Владимирович, какой он был товарищ?

Помню поэта, несправедливо забытого, Василия Васильевича Каменского. У него была одна особенность. Он иногда говорил неточно, его заносила выдумка. И вот однажды, когда он рассказал совершенно невероятную историю, вдруг оказалось, что все — совершенная правда. Володя очень обрадовался и сказал: «С этого дня я верю во все, что говорит Вася. Он всегда говорит правду, просто мы этого не понимаем».

В правду, яркую, нужную правду, в талант друзей и страны Малковский верил всегда. Его номинические стихи и солнце, которое и нему заходило.

Продолжение на 2-й странице.

Гравюра Ю. Могилевского.

Е. ПЕТРОВ,
М. ЛАГУН

ЛЕТАТЬ!

11 сентября 1962 года летчик-испытатель Георгий Мосолов экзаменовал очередной самолет.

Наискосок метнулись облака, земля завертелась гигантским кругом... Управление заклинило. И все же, пока обжигая пламенем машина, кувыркаясь, неслась к земле, он успел пробежать глазами и запомнить показания приборов. Он летел вниз, запутавшись в стропях парашюта. Удар. И нет ни неба, ни земли, ни травы. «Что же, конец? — подумал летчик. — Нет!»

Он попробовал пошевелиться — обожгла боль. Сломаны ноги, левая рука.

Двести шестьдесят дней боролась люди за его жизнь.

Сейчас он готовится к новым полетам. А вечерами... Почти каждый вечер в его квартире на Фрунзенской набережной собираются друзья — космонавты, артисты, рабочие.

Геннадий Масленников познакомился с Георгием Константиновичем год назад на телестудии. Они оба тогда участвовали в передаче. Теперь бригадир-строитель частенько заглядывает к Мосоловым. Не так давно Геннадий Масленников побывал в Америке. Вернувшись, зашел рассказать друзьям об увиденном.

Если и вы хотите узнать, о чем так горячо говорили два друга в тот вечер, прослушайте вторую звуковую страницу.

ГЕОРГИЙ МОСОЛОВ
Герой Советского Союза,
летчик-испытатель
Рекорд скорости — 2 681 км/час.
Рекорд высоты — 34 714 м.

ГЕННАДИЙ МАСЛЕННИКОВ
Герой Социалистического Труда,
мосновский строитель
Рекорд скорости — пятиэтажный
дом за 9 дней.

Фото Л. Лазарева

для него реальны. Реальность слова для него обнаруживала реальность жизни.

Он был прежде всего человеком настоящего. Но ведь даже ягоды созревают не все сразу... Маяковский был нетерпеливым, не преждевременным, но своевременным — человеком своего времени. Он первый пришел в свое время.

Поэт — он острее времени, он прорезает будущее. И время его ранит, как не только нож ранит хлеб, который разрезает; и хлеб ранит нож, тупит нож. Мы думали, что он железный, ведь он такой огромный, с большим голосом. Одиночества острия, одиночества космического снаряда, который взлетает первым, мы не оценили.

Это был спокойный, умеющий не только говорить, но и слушать, как бы огорченный и очень серьезный человек. Он острил, но он острил крупно. И не столько острил, сколько спорил. Он шутил, как шутит писатель, надолго.

Когда Блон говорил, то он как будто читал слова, которые очень крупно написаны перед ним на стене, читал не спеша, если не по слогам, то отдельно; ритмично и отдельно читал то, что написано, без веры, что его услышат. А Маяковский читал воодушевленно, он читал на аудиторию, которая его должна услышать. Он наслаждался полетом голоса, полетом мысли. Это был поэт нового времени. И когда он говорил: «...Вижу идущего через горы времени, которого не видит никто...», — он возглашал не только личную свою правду, он возглашал правду времени.

У него была очень большая, неожиданная и точная начитанность. Между прочим, начитанность в Марксе, в Энгельсе. Он был агитатором 1905 года, мальчиком-агитатором, человеком, еще до поэзии привыкшим к огромным аудиториям и серьезным спорам. И не надо передавать его остроумие, соль его выступлений, как эстраду. Это трибуна, а не эстрада. Это спор о смысле времени, о смысле любви и о цели жизни. И о том, как построить рай и какие препятствия лежат на пути к раю. И как мы должны обживать это место, которое должно быть нами же «оборудовано», и как мы там будем жить, встречаться.

И мысль поэта о человеческом бессмертии, мысль о необходимости воскрешения была тоже реалистическая мысль, потому что в поэзии то, что выражено большим искусством, — бессмертно. И бессмертный Маяковский и сейчас и через 200 лет будет разговаривать с другими людьми, которые будут тоже любить, спорить, будут по-иному обижать друг друга, и Маяковский, как товарищ, будет стараться мирить их, и опять им будет говорить, что дорога вперед всегда существует.

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Звуковые приложения к собраниям сочинений. Сегодня вы можете прибавить к томам В. В. Маяковского на вашей книжечке полке записи его голоса. Комментирует эти записи на первой звуковой странице артист Е. Урбанский.

КОС

Юрий ЛЕТУНОВ.

Из записных книжек
специального корреспондента
«Кругозора».

Космодром — это место, где природа расщедрилась только на голую степь и высокое небо, а все остальное создали люди.

Космодром — это автомобильные дороги, молодой город, линии электропередач, детские ясли, молодежное кафе «Березка», цветы на улицах.

КТО НАЖИМАЕТ ПУСКОВУЮ КНОПКУ?

— Какое чувство было у вас в ответственную секунду? — спросил я этого человека после старта Вали Терешковой.

— Трудно передать. Волновался, конечно. Потом радовался.

— Каким пальцем нажимаете на кнопку пуска?

— Вот этим...

Я смотрю на большой палец правой руки. Палец как палец, рука как рука.

— Ну, а подробнее?

— Собираемся перед пуском, договариваемся о работе. Каждый из нас сидит на своем стуле. С гагаринского старта стулья не меняем... Ну, еще не бреемся перед запуском, — смущенно добавляет он, понимая, что журналисту нужны детали.

За день до старта «Восхода» едем в машину с этим крупнейшим специалистом в области ракетной техники. С нами его друзья. Разговор о доме.

— Дочь-то завалилась на приемных в педагогическом. Не добрала балла... Пусть потрудится. Сегодня принесла первую полочку...

МОДРОМ

Друзья живо обсуждают выбор института. Каждый расхваливает тот, который окончил в свое время, — Бауманский, авиационный, радиоэлектронники. Но никто не подал совета Герою Социалистического Труда: «Позвонил бы насчет дочери, или: «Я поговорю...»

КАК РОЖДАЮТСЯ ТРАДИЦИИ

Валерий Быковский собирается войти в домин космонавтов. Это традиция. В ночь перед стартом космонавт остается с дублером, в соседних комнатах — врачи. В домин заходят только самые близкие друзья. И вот у двери Герман Титов срывает с головы Валерия фуражку, бросает ее на землю. «Что это — традиция?» — спрашиваю у командира.

Титов слышит разговор и серьезно говорит: «Да, конечно!»

Командир смеется: «Нет, какая там традиция... Просто балуются ребята».

Космонавты — народ веселый, для них «разыграть» — хлебом не корми.

«ПАПА, МЫ ЖДЕМ ТЕБЯ...»

Маленькая Оля — баловень в доме конструктора. На семейных торжествах с Ольенькой шумно играют Валя Терешкова, Герман Титов. Ольеньке разрешают все, но к папиному шкафу не подпускают. Здесь уголок космических сувениров: цветные фотографии с видами Земли и Луны, сделанные на орбите, нарукавные повязки с автографами тех, кто был на старте, книги, где на титульном листе самые добрые слова космонавтов за отличный корабль, юбилейная медаль Академии наук, орденская книжка...

Мама пишет письмо, и Ольенька берет цветные карандаши...

Я видел, как светились глаза у конструктора, когда он разбирал каракули дочери: «Папа, мы ждем тебя...» А потом (это было за три дня до старта «Восхода») он отломил кусочек домашнего пирога, который завернула, «как мама», Ольенька.

— А ведь я, братцы, сегодня не завтракал и не обедал...

Мы с вами побываем на космодроме, где природа расщедрилась на голую степь и высокое небо, а остальное сделали люди — наши современники.

ГЛАЗАМИ УЧЕНОГО

Космонавты всегда приносят нам неизвестное, возникшее перед глазами человеческим впервые.

Во время полета «Восхода» ученый К. Феоктистов увидел космическую необыкновенность полярных сияний, «почти сплошную гамму цветов и оттенков». Он побывал у нас в редакции и нарисовал Землю такой, какой она предстала перед ним в космосе. Художник В. Шапов по его эскизу подготовил первую обложку журнала.

Галина ШЕРГОВА,
специальный корреспондент
«Кругозора».

Видимо, они оба уже притерпелись к бесплодности ожиданий. И лошадь и извозчик. Он безучастно дремал на козлах, а она время от времени ленивым пофыркиванием стряхивала с морды дождевые капли. Капли падали на крышу распахнувшегося рядом «Пежо-404».

Пожалуй, Рыночная площадь Старого Города была единственным местом в Варшаве, которому «к лицу» дождь. Потемневшие от воды узкие старинные фасады точно постарели еще больше, обретя достоверность. Девять лет назад, когда я увидела Старый Город впервые, он сверкал новизной штукатурки, и восстановленные обlickи прежних веков скорей по-

ходили на загримированных актеров. Помню, мне показалось странным, что Варшава, превращенная войной в 20 миллионов кубометров руин, восстанавливает памятники старины. Ведь у людей еще не было крыши над головой.

Но в этом жесте можно было безошибочно узнать Польшу: для страны, где уже много веков подряд ни одному поколению не удалось миновать войны, естественно стремление сберечь приметы истории со страстью и скрупулезностью коллекционера.

В этот приезд я не нашла в Варшаве руин, и город, разбросанный огни просторных Иерусалимских Аллей, бульваров над Вислой, вздымающийся над Маршалковской стеклянные бастионы Восточной стены, уже был одухотворен — не сметан на «живую нит-

ку». Оттого Старый Город, где в кавярне «Крокодил» вам принесит кофе девушки в старопольских костюмах, где в винном погребе Фукера, как триста лет назад, шумят дешовые студенческие пирушки, Старый Город теперь выглядел и вправду кусочком прошлого. Полусонный извозчик усиливал это ощущение.

Мы вышли из «Крокодила» строем — Януш, пан Мечислав Баранцевич и я.

— Сейчас мы сидем в дрожки, и я прокачу вас в прошлое, — сказал Баранцевич.

Лошадь, точно поняв, о чем идет речь, повернула голову. «Так, пан Стась?» — окликнул Баранцевич извозчика. «Юзеф», — сказал тот.

Сейчас Баранцевич явно оживился. До этого, подсев к нашему столику, весь вечер он проскула. Во-первых, его не занимали темы разговора, хотя Януш Квятковский говорил о тысяче событий: о создании польского «электронного мозга» АМЦ-1, об открывающемся скоро музее скульптуры имени Дуниковского, о новой симфонии Витольда Лютославского. И, разумеется, о своей биохимии. Его занимала проблема синтеза белка. Впрочем, Януш, наверное, знал все. И о чем бы ни шла речь, говорил с забавным чувством причастности: «Мы в театре... у нас в живописи...»

Что же касается польской истории, то она вызывала в нем почти сиюминутное благоговение. Оттого-то он и повел меня в Старый Город.

Да, Баранцевич скукал. Желая вступить в беседу, он спросил:

— Вы выросли в Варшаве?

— Да, — сказал Януш.

Я думала, что он расскажет, как пятилетним шел он под эссовским конвоем по улицам, превращенным в щебень, и хватался за бьющие на ветру полы материнского пальто. Как потом он, военный сирота, жил в кирпичной

щели, возле собора. Рядом лежали изваяния святых, похожие на жертвы бомбежки.

Но он просто сказал: «Да».

— Я тоже вырос тут. Это прекрасно — родиться в Варшаве... — Баранцевич произнес это с оттенком сентиментальности. — В войну уехал. Сейчас у меня свое дело в Лондоне. Шикарное дело.

Он, видимо, рассчитывал на впечатление от этого сообщения, но Януш не выразил восторга, даже интереса.

— Приехал повидаться с прошлым. Мы, поляки, не можем без прошлого. — Это была еще одна попытка включиться в разговор...

...Копыта неторопливо поцокивали о мокрый асфальт.

— К «Бристолю», пан Стась! Прошу! — выдохнул Баранцевич.

— Юзеф, — сказал тот.

— О, у меня был постоянный извозчик Стась. Привычка. Как мы кутили в «Бристоле»! Стась ждал нас по двое суток.

— На той площади — памятник Неизвестному солдату. — Почему-то Юзеф обратился ко мне: — Теперь мой Ежи, сын мой, тоже неизвестный солдат. В сорок четвертом он участвовал в восстании.

Мы ехали дальше, и вот уже Ника Варшавская вздымала над городом свой серебряный меч, отточенный луной.

— Это памятник Героям Варшавы, — объяснил мне Януш. — Город собирал на него деньги. Город был жири на конкурсе проектом. Мы все.

— Да, мы, поляки, не можем без прошлого, — повторил Баранцевич.

Иерусалимские Аллеи выбросили нам навстречу свои неоновые огни: улица, как гигантский корабль, сигналила городу многоцветием этих сияющих флагов. Януш молчал, а Баранцевич снова предавался воспоминаниям: тут, за углом, у него было шляпное дело. Шикарные дамские шляпы.

— Какие дамы носили эти шляпы! А, пан Стась?

— Юзеф.

— Хорошо, Юзеф. Какие дамы!

— А Ежи думал, наверное, что город умер навсегда. Он бы нашел тут себе дело, мой Ежи...

— Да, да, конечно, — примирительно согласился Баранцевич. — Но у нас с вами свое прошлое, пан Стась.

— У нас с ним свое прошлое, — Юзеф кивнул на Януша.

— Нет, — пан Мечислав засмеялся, — молодые не умеют ценить прошлое. А надо. Вот ты, пан Януш, говорили, занимаетесь проблемами жизни. А жизнь без прошлого — что?

— Видите ли, я биохимик. Меня занимают живые клетки. Те, в которых продолжается прогресс.

Баранцевичу показалось, что Януш не понял его.

— А! Вы — о колбах, я — о человеке! Есть разница...

Мне очень хотелось вмешаться в разговор, чтобы сказать, что действительно есть огромная разница между обладателем прошлого и владельцем Истории, между держателем шляпного магазина и наследником государства. Но Янушу такая его аттестация показалась бы слишком пышной.

Юзеф повернулся к ним.

— Оставьте споры, панове! Лучше слушайте город. Слушайте, как дышит теперь город.

Это было отличное предложение. Оставшиеся дни в Варшаве я все время слушала этот город. Мне кажется, он звучал так...

Варшава — Москва.

Лаконичным языком фотодокументов хотим мы рассказать о тираспольских рабочих-швейницах. Их четыре тысячи юношей и девушек — коллектив коммунистического труда. Возможно, в будущем мы прочтем не одну книгу об этих людях. И пусть фотографии корреспондента АПН В. Тарасевича станут титульным листом, а письмо работницы Людвиги Штановой — эпиграфом к биографии фабрики имени 40-летия ВЛКСМ.

В сто сорок
солнцу!...

«Вчера вернулись из необычной поездки. Все тело болит, на руках мозоли. Поехали в субботу на строительство Кучурганской ГРЭС. Это недалеко от Тирасполя, час езды.

Я впервые была на такой стройке. Громадина! Здесь много молодежи из нашего города и со всей республики. Добровольцы. Дали мы для них концерт. А ночью — палатки. От волнения не спится. Читаем Маяковского. Темнота, гроза, ливень, а мы: «В сто сорок солнц закат пылал...» И вдруг по радио говорят: пришли вагоны с углем, их нужно разгрузить. Секретарь комсомольского комитета стройки крикнул: «Комсомольцы, за мной!» Смотрим, строители побежали. Тогда наш Володя говорит: «А мы что? Швейницы — за мной!»

Взяла у какой-то девушки комбинезон. Я в нем, как чучело. Девчата увидели — хохочут. С песнями приехали на железную дорогу, и — пошло... В результате — мозоли. Вернулись домой. Уснула, как убитая, а теперь не разогнусь. Обязательно поедем еще... Увидеть сто сорок солнц!»

МОРАЛЬ
ПРЕДАННО
ЧЕСКОЙ
НЫЙ ТРУД
* ЗАБОТА
ГО ДОСТО
ТЕРПИМОСТ
НЫЕ ОТНОШ
ЧЕЛОВЕКУ-
ВЗАИМОПОМ
ПРАВДИВОС
В ОБЩЕСТВ
МЬЕ ЗАБОТ
ВЕЛИВОСТ
ТВОРСТВУ
К НА
ТЬ К
ОДО
ВСЕ

КОДЕКС СТРОИТЕЛЯ КОММУНИЗМА
ДЕЛУ КОММУНИЗМА, ЛЮБОВЬ К СОЦИАЛИСТИ-
ЧЕ, К СТРАНАМ СОЦИАЛИЗМА * ДОБРОСОВЕСТ-
БЛАГО ОБЩЕСТВА: КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТЬ
ОГО О СОХРАНЕНИИ И УМНОЖЕНИИ ОБЩЕСТВЕННО-
Я * ВЫСОКОЕ СОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОЛГА, НЕ
К НАРУШЕНИЯМ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ * ГУМАН-
ИЯ И ВЗАИМНОЕ УВАЖЕНИЕ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ: ЧЕЛОВЕК
УТ, ТОВАРИШ И БРАТ * КОЛЛЕКТИВИЗМ И ТОВАРИЩЕСКАЯ
Ь: КАЖДЫЙ ЗА ВСЕХ, ВСЕ ЗА ОДНОГО * ЧЕСТНОСТЬ И
НРАВСТВЕННАЯ ЧИСТОТА, ПРОСТОТА И СКРОМНОСТЬ
НОЙ И ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ * ВЗАИМНОЕ УВАЖЕНИЕ В СЕ-
О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ * НЕПРИМИРИМОСТЬ К НЕСПРА-
Т НЕЧЕСТВУ, НЕЧЕСТНОСТИ, КАРЬЕРИЗМУ, СТЫЖА-
ЖИТ и БРАТСТВО НАРОДОВ ССОУЩЕПРИИМО
ОИ И СОСЛОИ НЕПРИЯЗНИ НЕПРИИРИ
ОММУНИЗМА ДЕЛА МИРА ВОБО
КАЯ ОЛВАРНОСТЬ ОУДЯ
СТАН, ДОБРОЕМИ НАР

Искусство Рихтера столь велико, что порой думаешь: пианиста надо просто слушать.

Сколько воспоминаний. Прежде всего музыкальных.

По-разному входил он в нашу жизнь. Один запомнил «встречу» с ним в морозную ночь военной, затемненной Москвы возле уличного рупора. Еще не знал имени, говорил: «Кто-то новый появился, настоящий!» Мерз, но не мог уйти, не дослушав...

Другой запомнил концерт во Дворце культуры автозавода. Люди сидели на эстраде, за инструментом, чуть ли не под инструментом...

Как-то в Большом зале Консерватории погас свет, и Рихтер продолжал играть в темноте. Чем-то светлее стала музыка, а потом внесли свечу...

Вечер С. С. Прокофьева. Рихтер играл его Сонату. Затем аккомпанировал Нине Дорлиак. Вставал и кланялся Сергей Сергеевич...

Но это лишь внешние вехи памяти — над всем была музыка. Надо бы говорить о силе его стихийной заразительности, о человеке, творящем музыку на наших глазах, надо говорить о новом типе художника... Уже столько лет любители музыки живут под знаком его Бетховена, Шумана, Дебюсси, Мусоргского и других имен на концертных афишах...

Собственный, не реализованный музыкальный мир — одна из тайн творчества Рихтера. Как образно сказал об этом его учитель Генрих Густавович Нейгауз: «Он, как те бесконечно добрые женщины, которые полностью от-

дали себя заботе о чужих детях, отказав себе в счастье материнства». И еще: «Музыка покоится на руках Рихтера, как ребенок на руках мадонны на полотнах старых итальянских мастеров».

Его искусство всегда живое. И современное. В чем эта современность? Она в полном отсут-

ств. Но в искусстве его нет, — есть лишь стремление к нему. Искусство Рихтера меняется, развивается. Живет.

Рихтер всегда играет словно впервые, играет для себя и только поэтому для нас. Но он никогда не идет нам навстречу в своем репертуаре, а увлекает

ПРОСТО СЛУШАТЬ

вии пафоса, риторики, напыщенности. В монументальности, динамике, может быть, больше всего в том, что он самый мужественный из всех известных нам пианистов. Да, он рыцарь музыки. Не потому, что так решил относиться к предмету своего поклонения, а потому, что родился таким, так формировал себя. Не может иначе. Такая одержимость музыкой, конечно, величайший дар, но и тяжелая ноша, трудный груз.

Мы, которым дано видеть его лишь на эстраде, освещенным огнями рамп, подчас можем проглядеть за простотой и легкостью тот труд, что стоит за каждым концертом.

За эти годы нам не раз казалось, что им уже достигнут пре-

за собой в том прекрасном «приключении», которым является для него музыка. И мы подчас совсем забываем о нем, об исполнителе, о Святославе Рихтере. Думаем: «Вот какой, оказывается, Гайдн... Шуберт... Прокофьев...»

Чувство простоты возникает у слушателей именно тогда, когда художник высказывается с необычайной силой, убедительно, страстно. Тут не замечаешь мастерства — оно преодолено.

Святославу Рихтеру исполняется пятьдесят лет. Обычно в таких случаях мы говорим со вздохом: как быстро летит время! Да, время летит. Но его музыка — волнующая, настоящая, все также нужна нам. Необходима. Как необходима человеку красота.

Виктор БОКОВ

— Как бы вы определили современную частушку? — спросил меня ученый-фольклорист. — Частушка — это зеркальце. Глянь в него — и увидишь лицо девушки!

Вспоминаются поездки по глухим углам Вологодской области и первые, еще студенческие экспедиции за песнями в Сапожок, где снимался когда-то нашумевший фильм «Бабы рязанские», вспомнилась родина Сергея Есенина, который

над рекой. Девушки-строители тихонько поют, стоя на мосту:

Милый мой, тебя люблю
И пятиточечку твою,
А ты сидишь, засигналишь,
А я слушаю стою.

Среди стуна, грома и грохота строек не унималось девичье сердце в своем песенном полете.

Лица! Лица! Лица!.. Сколько юных, задорных голосов, сколько поющих девушек, и у каждой своя короткая песня, у каждой свое зеркальце!

Зеркальце

под тальянку распевал страдания.

Как в зернальце, отразилась в частушке волнующаяся, ожидающая перемены своей судьбы душа.

Неужели перельется?
Неужели выльется?
Неужели переменится
Моя фамильница?

...Много лет пел я под балалайку.

На окошечке сады,
Под окошечком следы.
Не моя ли крошечка
Стояла у окошечка?

Пел и думал: какие сады? Тайна открылась через деревенский быт. Сижу как-то в уютной избе в селе Измоленове на Урале и говорю с кержаком-стариком о старине, а белобородый патриарх приказывает дочери:

— Поливай сады!
Вот они, сады — цветы на подоконниках!
Вспоминаю полуразрушенный послевоенный Воронеж, закат

Озорная частушка «Семеновна» — неперемнная участница вечерних гуляний. Десять лет назад она неожиданно появилась в торжественной обстановке экзамена в Консерватории.

К частушке в Фортепианном концерте Родиона Щедрина тогда отнеслись как к шутке. Позднее — уже серьезнее, услышав в Первой симфонии композитора «Вологодские страдания». А впереди были новые встречи — в опере «Не только любовь» и, наконец, в Концерте для оркестра, названном «Озорные частушки».

Теперь уже не говорят о студенческом увлечении — оно ведь проходит, а частушка, о которой композитор Родион Щедрин продолжает рассказывать на шестой звуковой странице, остается в его творчестве.

Новелла МАТВЕЕВА

●
Невидим гвоздь в подошве башмана:
Он на посту невидимости занят.
Но только там походка и легка,
Где гвоздь из башмана не вылезает.
А там, где гвоздь выходит напоказ,—
Шаг прячется, походка исчезает,
И там, где рифма слишком потрясает,—
От потрясения гибнет вся строка.
Не надобно особого таланта,
Чтоб рифму бойким бантиком сложить:
Любое платье может жить без банта —
Ботинок без гвоздя не может жить.
А твердость поэтической походки —
Не столь от банта, сколько от подметки.

●
Если блюдце положить на блюдце,
Наравне сойдутся их края,
Но предметы яви не сойдутся
С теми, что повыдумала я.
Мимо джунглей мои джунгли вьются,
Мимо зорь горит заря моя;
Никогда с моими не сольются
Явственные, сущие моря.
Слишком радужен мой мир блестящий,
Чтоб на нем решиться настоять.
И не то, что он не настоящий.
Нет! Он даже слишком настоящ,
Слишком полон... А всему, что слишком,
Верят меньше, чем далеким вспышкам.

На девятой звуковой странице — две песни Новеллы Матвеевой в обработке К. Акимова. Поет Елена Камбурова.

ЗАСТАВА

Это репортаж о парнях, которым двадцать и двадцать один, которые у себя дома ходили в новбойках, влажных от жара работы, и вечером на танцах мучились в слишком узких башмаках.

...Я объехал цепочку маленьких островов. Раздвигают плечами они гребни океанских волн и стоят уверенно, непоколебимо. Мужество землепроходцев, руки рыбаков выпестовали и отстояли эти острова — суровый рубеж нашей страны.

Я вижу короткие распадки, в которых приютились пограничные заставы. Над заставами, под не вызревающим от холодов и ветров небом один звук — вечный накат прибой. И такие ветры!

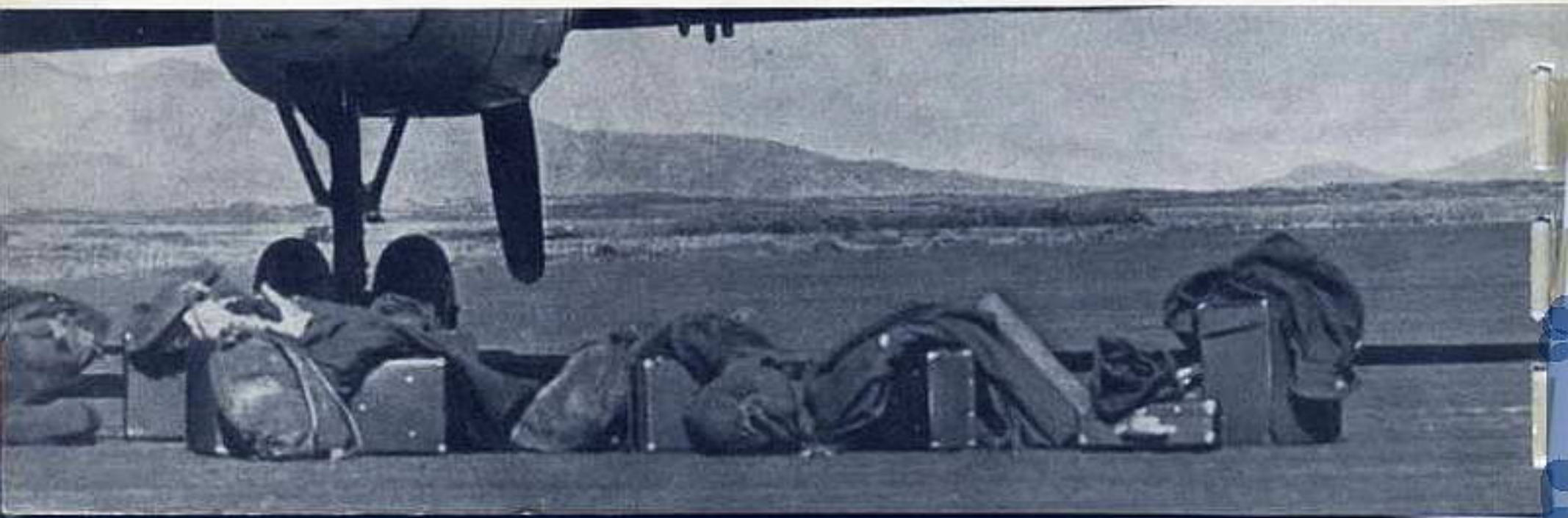
Зимой, когда заносит маленькие заставы и, грея над трубой ладони, шагает по крыше часовой, когда по трое, обвязавшись веревкой, отправляются за триста метров в пекарню, идут на границу Союза Советских Социалистических Республик дозоры.

Знакомые лица обступают меня...

Помню, как с Толей Кононченко мчались мы на лошадях по плотному песку, только что освободившемуся от тяжелых волн. Это не был наряд.

В ОКЕАНЕ

Солдат прощался с границей. Демобилизация. Завтра — самолет и родной Донецк...

Мы мчались галопом. Мы останавливались. Слушали прибой. Смотрели, как на ветру выстраиваются в кильватер чайки.

На обрыве тенью промелькнул квадратик: избушка-обогреватель.

— Сидели здесь сутки!

Снял фуражку солдат. Нагнулся, сорвал ветку недрача. Спрыгнул с седла, подошел к самой линии волн. Положил ветку на песок. Помолчал.

— Едем!

...Знакомые лица обступают меня.

— Какой может быть здесь выбор?! Учи французский. «Войну и мир» хотя бы прочтешь без сносок! (Юра Семенов).

— Нет, братцы, когда приеду, спешить не буду. Пиво полью в буфете. И на автобусе не поеду. Семь километров пойду пешком. А по деревне все будут говорить: «Николай Егорович приехал». А дело и вечеру, снежок скрипит. К дому подойду и тихо в ставни: стук, стук, открывай, мамка. (Колья Круглов).

— Расфилософствовались, а у Моисеева опять автомат не чищен... (Старшина Астахов).

А вот уже Владимир Александрович, начальник маленькой заставы.

Мы сидим с ним допоздна, я читаю, он разбирается в документах. А когда становится совсем поздно, мы расходимся: я — спать в казарму, Володя (иногда трудно пройти сто метров до дома) — подремать на шинелях в канцелярию.

И в минуту отроченности — разговор о том, как нелегко в двадцать стать командиром заставы, когда ты старший для сверстников.

— Разрешите войти, товарищ старший лейтенант.

Молча слушает рапорт: граница спокойна.

— Идите, Ананьев, отдыхайте. Вот что, попросите у повара стакан горячего молока с содой.

— Есть попросить у повара стакан молока с содой!

А рассвет уже стучит розовой ладонью в окно. И в шесть утра телефонный звонок или собственной персоной является трехлетняя Марина — дочь. Заставские дети!

Пилоты каждый раз с материка привозят Марине от себя лично твердое яблоко или памятную кисть винограда. Ребята в свободное время за час набирают четверть кружки жестких последних ягод — Марине, Марине, которая расхаживала, как с самой верной ильняной, с огромной овчаркой Боцманом по сопкам и холодным пляжам, — Марине витамины нужны...

И другой остров, и тоже ребенок командира — пятилетний Саша. Мне рассказывали, как однажды вместе с ребятами отправился Саша на птичий базар и внезапно понял, что эти голубые птички яйца даже совсем не то, что можно съесть утром всмятку, а будущая жизнь. И долго искал пацан гнездо, из которого взял голубой комочек будущей жизни, чтобы положить его обратно.

...Сурова юность у этих парней. С далеких застав в океане увозят они не только воспоминания о необычайных восходах, лежбищах сивучей и птичьих базарах. Не только крепкое мужское знание жизни, но и то, что определит весь ее дальнейший настрой.

Седая изморозь волн ложится на песок — последний рубеж нашей земли...

Эти снимки сделаны на заставе. На острове в Тихом океане я прожил несколько дней. Записал на магнитной ленте не одно интервью. Трудно запечатлеть жизнь заставы, да и в сутках 24 часа. Помог случай. Я обратился к пятилетнему Саше. Саша попросил время подумать. Его рассказ на 7-й звуковой странице сопровождается документальными записями.

СКОЛЬКО ТЕБЕ ЛЕТ, АРМЕНИЯ?.. Вижу девочку, пробующую удержать в ладонях яблоко, — оно для нее еще не плод, а игрушка — это ты, Армения. Вижу стены крепости в Гарни и тысячелетние молчаливые горы — это ты, Армения. Может быть, ты родилась только что, как эти снежинки, как ветер, идущий навстречу мне от черно-зеленых вод Севана?.. А может быть, едва возникла наша планета, сразу же и появилась эта страна и эти люди, создавшие жаркие пляски и протяжные песни, вырастившие сады среди камней, вырубившие электростанции в скалах?.. Сегодня, в двух тысячах километров от тебя, я снова встретился с тобой и услышал твой голос.

Трубы и саксофоны могут вызвать в памяти совсем иные представления. Но это был оркестр, ни на минуту не забывающий, что он оркестр Армении, и он снова перенес меня на твою землю. И, слушая «Песню о родине» Константина Орбеляна, я снова видел тебя, Армения. И не только тебя, но и свою родину — так непохожую на твои селения калужскую деревушку. Когда настоящий певец рассказывает о своей родине, он поет о родине каждого человека.

...Итак, свой «рассказ» на десятой звуковой странице ведет эстрадный оркестр К. Орбеляна.

Рисунок В. Гвоздова

Евгений ХРАМОВ

ДЕТЯМ • КРУГОЗОР ДЕТЯМ

КРУГОЗОР ДЕТЯМ • КРУГОЗОР

Ояр ВАЦИЕТИС

У КОГО КАКАЯ ПЕСНЯ

У часов такая песня:
— Тик, тик, тик.
У цыплят такая песня:
— Пик, пик, пик.
У жуков такая песня:
— Жбу, жбу, жбу.

У ежей такая песня:
— Шу, шу, шу!
У котят такая песня:
— Мяу, мяу, мяу!
А у рыб такая песня...
Ну, какая?..

Алла СТРОЙЛО

ВЫЧИТАНИЕ

Проходила наша Таня
С малышами вычитанье.
Вычитанье как понять?
Надо что-нибудь отнять.
У Аришки — орешки,
У Маришки — Матрешку,
У Андрюшки — новый

мяч.

Во дворе и вой и плач.
Получается ответ:
Игрушки есть —
подружек нет!

Весёлая
Анопа
Метикет

ДЕЛЕНИЕ

Делим
Солнце.
Чур на всех!
Делим
Дождик.
Чур на всех!
Зиму белую
На всех!
Все —

на всех,
на всех,
на всех!

Валерий АУШЕВ

СВЕРЧОК

Тихим
вечером
сверчок
открывает
сундучок.
Достает
оттуда
дрель
и
высверливает
трель.
Вот чудак!
Всю ночь
не спит,
все сверлит,
сверлит,
сверлит!
А под утро
в сундучок
прячет
дрель
свою сверчок.

Г. САПГИР

СЧИТАЛКА

У реки
Росла
Рябина,
А река
Текла, рябила.
Посредине —
Глубина.
Там большая
Ры-би-на.
Эта рыба —
Рыбий царь,
Называется Пескарь.

«Колобок» продолжает свой путь. Он приведет вас на двенадцатую звуковую страницу. Там вы встретите своих старых знакомых — Буратино, Бармалея, Ежика. Все они герои сказок. А расскажет, друзья, вам о них Сергей Владимирович Образцов.

Фото А. Зыбина,
А. Лидова, Б. Романова

ДИАЛОГ С АННОЙ

Для отдыха перед съемками актриса выбрала Прибалтику. Пошла на площадь Дзержинского в массы Аэрофлота. Обычная толчея, столичный темп. Иногда люди оглядываются. Для многих Тая Самойлова — «Летят журавли», «Неотправленное письмо»... Для себя она сейчас только «материал» новой роли.

Тая, что бы ни делала, «нопит» Анну. Движения души, ритм характера, нежность сердца.

Тая становится в очередь и просит у кассирши билет на десять вечера. Ей дают на десять. Она успевает подумать, глядя на разговорчивую кассиршу, что Анне не везло с железнодорожными служащими, они были мрачными приметам на ее пути.

На другой день и вечеру выясняется, что 10 — это 10, а десять вечера — это 22. Самолет улетел без одной пассажирки. Аэрофлот не посвящен в тайны рождения образа.

— Вот дура! — Тая сердится на себя, как девчонка, и доплачивает за новый билет — первые издержки производства фильма. На этот раз кассирша поучающе молчит.

На аэродроме дует сразу несколько ветров. От самолетов, которые взлетают, от пассажиров, которые опаздывают. Над аэродромом разворачиваются молнии и громом идут на посадку.

Тая вспоминает отъезд Анны. Отсюда это кажется как под микроскопом. Сама Анна современна, потому что ее человеческий масштаб соизмерим с нашим. Ее трагическая мятежность — не поза, нет, — естественное состояние высокой души, столкнувшейся с несовершенством мира. Ареной борьбы с неправдой и злом для нее стала ее собственная, так сказать, личная жизнь. Анна

хотела принимать людей и себя в этом мире только по большому, предельно честному счету. Наверное, поэтому духовная жизнь толстовской героини сопрягается с проблемами и надеждами людей...

На восьмой звуковой странице — необычный диалог. Актриса разговаривает со своей героиней. Постановщик фильма Александр Григорьевич Зархи и Татьяна размышляют вслух, им отвечает Каренина-Самойлова.

Диалог создателей фильма с Анной Карениной только начинается. Он будет продолжаться на съемке, он пройдет подтекстом через весь фильм.

И. САРКИСЯН
Фото Э. Кравчука

8

Звуковые страницы изготовлены
Всесоюзной фирмой «Мелодия»
и Государственным домом
радиовещания и звукозаписи

Художник В. ЩАПОВ
Техн. редактор Л. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакции: Москва, Пятницкая ул., 25.
Телефоны редакции: В 3-74-42; В 3-74-59.

Б 03753. Подписано к печати 16/1 1965 г.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Бум. л. 0,5. Печ. л. 1.
Тираж 150 000 экз. Зак. 36. Цена 1 руб.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.

ШЕсть МИНУТ ГИМНАСТИКИ • ШЕсть МИНУТ ГИМНАСТИКИ • ШЕсть МИНУТ ГИМНАСТИКИ • ШЕсть МИНУТ ГИМНАСТИКИ • ШЕсть МИНУТ ГИМНАСТИКИ • ШЕсть МИНУТ ГИМНАСТИКИ • ШЕсть МИНУТ ГИМНАСТИКИ • ШЕсть МИНУТ ГИМНАСТИКИ • ШЕсть МИНУТ ГИМНАСТИКИ • ШЕсть МИНУТ ГИМНАСТИКИ • ШЕсть МИНУТ ГИМНАСТИКИ • ШЕсть МИНУТ ГИМНАСТИКИ

Гимнастический комплекс подготовили для вас научный сотрудник И. Трофимов и спортивный комментатор радио Н. Гордеев.
(11-я звуковая страница.)

Марина и Боцман. [Смотрите в номере очерк «Застава в океане».]

Цена 1 руб.

